

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В КЕРЧЬ-ЕНИКАЛЕ В 1775 ГОДУ ВОИНОВ АЛБАНСКОГО (ГРЕЧЕСКОГО) ВОЙСКА: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ЗАБЫТЫЕ ПОДРОБНОСТИ

До сих пор в вопросах переселения в Керчь-Еникале в 1775 году воинов греческих легионов и членов их семей после завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 годов имеется ещё немало белых пятен, неопубликованных документов, забытых подробностей и деталей. Несомненно, это было неординарное событие в славной 2600-летней истории современной Керчи, имевшее весьма благоприятные последствия для Юга России, Крыма, древнего города.

Хорошо известно, что греки-волонтёры активно участвовали в большинстве морских и сухопутных сражений войны 1768–1774 годов на Средиземноморском театре военных действий: в боях в Море, во взятии турецких приморских крепостей, в освобождении островов Архипелага, в захвате турецких купеческих и транспортных судов, в знаменитом Чесменском сражении, полностью уничтожившем турецкий флот в Эгейском море и других боевых действиях, за что они щедро поощрялись, высочайше награждались: получали офицерские чины, земли, российские ордена и медали, дворянство¹.

После заключения в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мира все острова Греческого архипелага были возвращены Османской Порте с условием: «...не мстить жителям, не стеснять христианского вероисповедования, не взыскивать повинности за время их пребывания под властью России (в российском подданстве. — Ю. П.), позволить желающим переселиться в другие места»².

Со всей остротой встал вопрос о судьбе бойцов «Албанского (греческого) войска» и их семей, активных участников борьбы с турками.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 383, оп. 29, д. 216, л. 3; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 227, оп. 1, д. 30, л. 101, 102.

² Записки гидрографического департамента Морского министерства, СПб. Ч. 7. 1849. С. 391.

Греки справедливо предполагали, что после ухода российского флота из Архипелага их неминуемо ждет мщение со стороны турок, жестокие репрессии. Поэтому с целью сохранения своих жизней, семей они готовы были покинуть родные места, бросить нажитое имущество, свои дома и уйти на российских кораблях к единоверцам, в новые места жительства, под защиту и покровительство России, стать беженцами-переселенцами.

Следует заметить, что данные опасения полностью оправдались. Действительно, многие из оставшихся на месте жителей островов, из числа воевавших против турок, сотрудничавших с российскими моряками, принимавших в своё время российское подданство, подверглись жестокому преследованию: были осуждены, лишались имущества, земли, своих домов, свободы, нередко и самой жизни. И такие явления были повсеместны, несмотря на прежние заявления турецких властей.

Представляют несомненный интерес условия, на которых греки решились покинуть Родину, переписка, связанная с подготовкой и вывозом в Крым греков на кораблях российского флота.

26 декабря 1774 года граф А. Г. Орлов-Чесменский информирует императрицу из Пизы о начале переговоров с турецкими властями «...о скорейшем пропуске наших судов» в Чёрное море, о своих действиях по переселению архипелагских греков и их семей в Крым: «...приказано от меня вице-адмиралу Елманову всех желающих переселиться под покровительство Вашего Императорского Высочества сажать на суда, сколько поместиться может, и отсылать их в завоёванные места, принадлежащие Вашему Императорскому Величеству, снабдя при этом довольным числом провианта и письмами к начальникам тех мест, чтобы оные приняты были как подданные российские, и я надеюсь, Всемилостивейшая Государыня, что со временем многие переселятся во оную страну, а более всего будет зависеть от начала, когда первым удастся...»¹

Весной 1775 года Екатерина II подчёркнуто «благосклонно» и с «особым вниманием» принимает депутацию греков во главе с майором Константином Георгия и капитаном Стефаном Мавромихали. На имя графа А. Г. Орлова-Чесменского следует Высочайший рескрипт от 28 марта 1775 года, дававший переселенцам значительные льготы и преимущества. Так, грекам было обещано: «...в Отечестве нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище...»; учредить в Керчи и Еникале «...свободный и вольный в тех местах порт...»; строительство за

счёт казны домов и храмов; освобождение от уплаты налогов на 30 лет, а также от постоев и содержания почты в мирное время; создание казённого госпиталя и аптеки «...для сохранения здоровья», с «...потребным числом медицинских служителей...» и многое другое¹.

Вскоре всё официально было доведено до греков, «...сделано объявление, ежели хотят ехать в Крым с жёнами и их родом, то для отвозу их суда с провиантом готовы...»²

Раскрывает, уточняет детали подготовки и осуществления этой необычной морской операции переписка и действия флотского командования, отражённые в архивных документах. Так, в своём письме от 23 марта 1775 г. вице-адмирал А. В. Елманов, сменивший на посту командующего Архипелагской экспедицией адмирала Г. А. Спиридова, информирует находящегося в Керчи вице-адмирала А. Н. Сенявина, что «...граф Алексей Григорьевич Орлов препоруча мне управление в Архипелаге флота и распоряжение дел, прошлаго 774 года, августа от 9, повелеть соизволил, чтоб из греков и албанцев, которые пожелают в Россию, забирать на корабли больше молодых и прочных к службе или поселению, а обнадёживание им более никаких не давать, как только следующие:

1. Что они все, как единоверные с нами, не будут оставлены, и никогда не укреплены навсегда, имея свою вольность;
2. Желаящие поселиться будут все выгоды иметь равно с российскими;
3. Буде пожелают в службу, тогда будут приниманы;
4. Ежели кому как в службе, так и в России не захочется остаться, таковые будут отпускаемы по их желаниям»³.

Даже ознакомившись с содержанием рескрипта Екатерины II от 28 марта 1775 года, предоставившего в 21-м пункте значительно большие льготы и привилегии переселенцам-воинам, чем это прежде объявлялось флотским командованием, многие греки по-прежнему сомневались, мучительно колебались, уж больно болезненным и трудным было расставание с родиной, родными и близкими, привычным укладом и образом жизни. Всё это задерживало уход боевых кораблей Архипелагской экспедиции на Балтику, в Россию в соответствии с условиями мирного договора.

В накаляющейся обстановке весьма твердо и категорично звучит приказ графа А. Г. Орлова вице-адмиралу А. В. Елманову передать

¹ РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3–5; ф. 383, оп. 29, д. 947, л. 11–13.

² Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 301.

³ РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 61.

¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 250–252.

грекам «...буде ехать хотят, так ехали б, а из того буде поупрямятся, оставить им на волю и распустить всех несмотря уж ни на что...», а самому с эскадрой «...нимало не мешкая выходить из Архипелага»¹. Только тогда, отбросив последние колебания, греки поспешили на давно готовые к выходу корабли, получив установленное им довольствие, денежное жалованье, а «...сверх того и впредь на два месяца».

Весьма сложным для флотского командования, направившего для этих целей в Константинополь «...бригадира-флота капитана Борисова», оказалось получение согласия Османской Порты на проход через проливы российских военных кораблей с греческими переселенцами на борту, ибо это расценивалось Портою как серьёзное унижение, как одностороннее действие, не оговоренное условиями мирного договора².

Об этом можно судить, в частности, из письма российского поверенного в делах в Константинополе полковника Петерсона на имя вице-адмирала Елманова, направленного в Архипелаг, а также из реляции генерал-фельдмаршала графа А. А. Румянцева Екатерине II.

В письме к адмиралу Елманову полковник Петерсон просил неукоснительно выполнить просьбу турецких властей, избавить их «...от поношения и стыда видеть подданных своих во время, как ещё ненависть от войны не остыла, пред глазами Государя и в виду всей нации проезжающих чрез самую столицу, для поселения в чужой земле, а как сего в Трактате нет, то Порты, хотя и не согласна о таком пропуске подданных ея, но не будет же со сторону ея и воспрещения, токмо бы то было не поносительным для нея образом исполнено...»³

Таким образом, турецкие власти прямо ставили вопрос о маскировке прохода военных кораблей и провоза греков-переселенцев на них в Черное море для поселения в Крыму. Указанные и другие просьбы Османской Порты в целом были удовлетворены. В результате активных переговоров все детали прохода российских кораблей через проливы были согласованы, и это позволило российскому командованию, пробно, ещё в марте 1775 года отправить в Керчь два первых корабля с 270-ю переселенцами, фрегаты «Почтальон» и «Архипелаг», под видом купеческих кораблей, а в мае, значительно задержав выход всего флота на Балтику, ушли еще одиннадцать судов с беженцами, замаскированные под купеческие корабли, под конвоем военного фрегата

¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 301.

² РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

³ РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 61; РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

«Африка». Охранял суда в Эгейском море и обеспечивал проход проливов ещё один корабль, фрегат «Наталия»¹. Выполнив задачу, фрегаты затем возвратились к эскадре, убывающей на Балтику, к российским берегам.

Среди командиров боевых кораблей, осуществлявших переход в Керчь с беженцами на борту, были и греки. Так, например, фрегатом «Святой Николай» командовал Георгий Карандино, фрегатом «Победа» Николай Кумани, впоследствии известный командир линейного корабля во флоте адмирала Ф. Ф. Ушакова, участник победных морских сражений, контр-адмирал российского флота².

По архивным данным, в Керчь в целом благополучно, хотя и не без происшествий, прибыло свыше двух тысяч человек.

В то время плавание на парусных кораблях из Эгейского в Чёрное море в район Керченского пролива считалось достаточно продолжительным, трудным и опасным, что и подтвердилось в ходе перехода судов с переселенцами в крымские порты.

Так, 11 судов с беженцами были вынуждены сделать не запланированную остановку у острова Тенедос из-за обнаружения сильной течи у некоторых транспортов, «...оказались оные суда гнилыми...». Казалось бы, безвыходную обстановку сумел разрядить греческий судовладелец и капитан Иероним Витали, волонтёр на русской военно-морской службе, лейтенант флота, возвращающийся после выполнения заданий командования из Константинополя и нашедший стоянку российских кораблей. С целью спасения соотечественников Иероним Витали совершает благороднейший поступок, безвозмездно передаёт своё судно в распоряжение россиян. «...Принужден я, — пишет он об этом Екатерине II в своем прошении в 1776 году, — с тех судов людей и экипаж перегрузить на своё судно, дабы оная эскадра не могла потерять своего времени отправил в Чёрное море»³. Сам же И. Витали перешел на фрегат «Африка» и на нём прибыл на Балтику, в российские порты.

Чёрное море встретило суда с переселенцами сурово. Пришлось им испытать и штормовой ветер, и огромные волны, и изнурительную качку, а некоторым и кораблекрушение. Так, фрегат «Победа» под командованием Николая Кумани, опытного моряка, проверенного в морских походах и сражениях капитана, в Чёрном море, на переходе

¹ РГИА, ф. 1146, оп. 1, д. 3, л. 286.

² РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 12, л. 335–339; д. 30, л. 941–945.

³ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 4, д. 74, л. 195, 196.

Константинополь — Керчь, был застигнут сильным штормом, долго боролся со стихией, потерял такелаж и 6 сентября 1775 года сел на камни и был разбит волнами у Балаклавы. Благодаря умелым и отважным действиям капитана фрегата Н. Кумани и его экипажа удалось спасти всех пассажиров, «...которых и привез, в Ениколь благополучно», опытный флотский командир-грек¹.

Задолго до прибытия переселенцев керчь-еникальским местным военным властям было строжайше предписано «...равномерно принимать, поступать по предписаниям... дабы служащие не имели в провианте и в квартирах нужды, а вольнопоселяющимся фамилиям, которые объявят купечество, хлебопашество или же ремесло и художество, дать места и на первый случай квартиры, которые непременно им будут нужны...»²

Однако реальная обстановка оказалась намного сложнее, и не было возможности всё делать так, как было заранее предписано.

В своих рапортах командованию от 21 и 30 мая 1775 года полковник Ступишин сообщает о прибытии и размещении в крепости Еникале первой партии переселенцев. Керченская крепость, весьма обветшавшая, частично полуразрушенная, характеризовалась малонадёжной в военном отношении. «...Замок, так и стены крепости весьма в ветхом состоянии и нападения всегдашнего ожидать надлежит», — объяснял своё решение Ступишин³.

Только более надёжные еникальские крепостные стены могли дать приют, защитить на первое время прибывших 18 мая 1775 года в порт Керчь на фрегатах «Архипелаг» и «Почтальон» 270 переселенцев: одного майора Георгия Дуси; трех капитанов: Анастасия Метакса, Яниса Посполитаки, Сидорса Пени; четырёх поручиков, девяти прапорщиков (знаменосцев), 30 десятников, 143 рядовых. Всего 190 воинов. С ними прибывших «...жён и родственников мужского пола 20, женского пола 60...» человек⁴.

По мере постепенного подхода остальных кораблей с переселенцами самыми острыми стали проблемы обеспечения жильём, топливом и продовольствием прибывших людей. Разрушенные турками при уходе,

¹ РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 30, л. 941; ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 141–144.

² Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь, 1907. № 41. С. 15; РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 62.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 1, д. 110, л. 72.

⁴ РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 413, л. 66.

разграбленные татарами жилые дома использовать без серьёзного ремонта было невозможно. На это обстоятельство в один голос постоянно указывали в своих донесениях воинские начальники всех рангов, настаивая на организации доставки строительных материалов, топлива и дополнительного продовольствия, выделения необходимых денежных средств для осуществления ремонтных и строительных работ, укрепления крепостей, налаживания жизни переселенцев в соответствии с пунктами Высочайшего рескрипта.

Еще в декабре 1774 года командующий 2-й российской армией в Крыму князь В. М. Долгорукий, анализируя обстановку в Керчь-Еникале, доносил Г. А. Потемкину: «...ежели какое заведение по укреплению Керчи и Яниколя располагать изволите, то наверное и люди и материалы неотменно туда доставлены быть должны, поелику нет там ни бревна ни доски...»¹

Командование стремилось наладить коммуникации, по которым бы в обе крепости поступали лес, топливо, продовольствие, боеприпасы, воинская амуниция, медикаменты и другое имущество, необходимое для российских гарнизонов, а затем и прибывших переселенцев, но сделать это было чрезвычайно сложно.

Трудности доставки грузов сухопутным путём через территорию Крыма объяснялись сложностью обстановки в Крыму, недоброжелательностью татарского населения, разжигаемой сторонниками Оттоманской Порты, агентами турецких властей, мусульманским духовенством, соперничавшими группировками, боровшимися за власть, и другими обстоятельствами, провоцировавшими нападения на транспортные караваны, «...разбойнические нападения на проезжающих», несмотря на то, что «...везены оныя были на наёмных татарских повозках», как того требовали подписанные соглашения с крымским ханством, и двигались «...со специальными татарскими провожатыми и ханской охраной»².

Все это предопределило налаживание морских перевозок от Петровской крепости и Таганрога, что также было непростым, весьма дорогостоящим делом, требовало выделения специальных сил и дополнительных средств³.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на Высочайшие требования, Керчь и Еникале не сумели в полной мере подготовиться к приёму переселенцев, к содержанию потребного количества российских

¹ ИТУАК, Симферополь. 1914. № 51. С. 44–45.

² Там же. С. 17, 46.

³ РГА ВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 39, л. 38, 44.

повск, что вызвало целый ряд серьёзных трудностей в обустройстве и для обеспечения прибывших, недовольство многих греков, посчитавших себя обманутыми, жалоб в адрес князя Г. А. Потемкина, императрицы. Стихийным проявлением недовольства греков стали побег из Керчь-Еникале уже летом 1776 года и образование, с вынужденного согласия властей, греческих поселений в Збурьевском ретраншаменте и в Кишоурне¹. Вместе с тем все желающие могли переселиться в Таганрог и размещались в зданиях, где прежде был расквартирован казачий полк.

Часть самовольно покинувших Керчь-Еникале сумели добраться до Кефе и Козлова, сесть на купеческие корабли и отправились в Варну и Константинополь «...искать у Порты прощения, кои все там и погибли»².

Оценив сложившуюся обстановку, князь Г. А. Потемкин 9 июля 1776 года обращается к Екатерине II с просьбой увеличить ассигнования на нужды греков. «Приемлю смелость, — пишет он, — поднести Высочайшему рассмотрению краткую ведомость о потребной для них по настоящему числу людей сумме, как ежегодному отпуску, так и единовременному на построение всех нужных зданий»³. Следует заметить, что выделение просимых средств было императрицей утверждено. С 1776 года впредь на нужды греческих переселенцев, размещенных в Керчь-Еникале, Таганроге, стало выделяться ежегодно не 50, а 72 тысячи рублей. Вместе с тем одновременно было отпущено ещё 64 тысячи на строительство необходимых зданий и сооружений⁴.

Всё это значительно облегчило материальное положение, сняло многие проблемы переселенцев, ускорило их обустройство на новом месте, в избранных пунктах размещения. 2 августа 1776 года князь Г. А. Потёмкин от имени императрицы требует от местных властей «...устремить все силы и возможности к успокоению в пределах Ея Императорского Величества сих прославленных воинов, доставлением им наилучших к жизни выгод...»⁵, обеспечить безусловное выполнение Высочайшего рескрипта от 28 марта 1775 года.

¹ РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 106, ч. 2, л. 17–19, 21.

² РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 927, л. 36.

³ Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИИД). Одесса, 1872. Т. 3. С. 210.

⁴ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83; Загорский Е. А. Военная колонизация Новороссийска при Потемкине. Одесса, 1913. С. 31.

⁵ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 254, л. 24, 25; ЗООИИД, Одесса, 1844. Т. 1. С. 216–217.

3 августа 1779 года Екатерина II утвердила проект Военной коллегии, предоставленный Г. А. Потёмкиным, о формировании греческого пехотного полка в составе 1762 человек, основу которого должны были составить греки-переселенцы, все ещё числящиеся в составе Албанского (Греческого) войска, способные по возрасту и здоровью носить оружие, решать боевые задачи.

Как это видно из документов, целью создания данного полка было «...с одной стороны, вознаградить службу тех греков, кои в Архипелаге сражались за Россию, и доставить им пристанище, с другой, чтобы посредством их умножить и число полезных поселян»¹.

Формирование полка было поручено полковнику Дмитрову, штаб-квартирой определён форштадт г. Таганрога; здесь и шло его комплектование с конца 1779 года по 1783 год. На сентябрь 1779 года в списках греческого войска оставалось немногим более тысячи воинов, из них 102 офицера.

«В Керчь-Еникале размещалось 592 человека, в Таганроге 288, в Збурьевском ретраншаменте 130 солдат и офицеров, из коих 28 находились в “дальних отлучках”, в поездках за своими семьями»².

В силу ряда обстоятельств, и прежде всего отсутствия необходимого контингента, в полку вместо 12 было сформировано восемь рот, носивших названия: Афинская, Спартанская, Коринфская, Македонская и другие. Общая численность греческого пехотного полка не превышала в период завершения комплектования 850 человек. Числился он в составе иррегулярных войск, находился в подчинении новороссийских генерал-губернаторов. Переведенный после своего укомплектования в г. Керчь полк в 1784 году направляется на определённое ему постоянное место дислокации в город Балаклаву и его окрестности. Он получил задачу нести кордонную службу, охранять южное побережье Крыма от Севастополя до Феодосии и Керчи, направлять часть своих сил на корабли флота в качестве десанта с началом русско-турецких войн.

Личный состав полка, семьи офицеров и солдат, вновь прибываемые переселенцы составили подавляющую часть населения Балаклавы и сел вокруг города. В свободное от службы время они занимались сельским хозяйством, виноградарством, виноделием, торговлей и другим мирным трудом.

В 1797 году Балаклавский греческий пехотный полк был реорганизован в Балаклавский греческий батальон и стал подчиняться

¹ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 84.

² РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 202, Ч. 3, л. 1, 2.

военному ведомству, успешно нёс кордонную службу, участвовал во всех русско-турецких войнах, а также в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов, где опять отличился¹.

Около 75 лет греки успешно несли службу по охране южного берега Крыма и завершили её с почётом в 1859 году².

В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы:

- судьба большинства греков переселенцев, прибывших из Архипелага в 1775 году в Крым, складывалась нелегко, в серьёзных трудностях и лишениях, но в целом достаточно благополучно; те из них, которые не выдержали тягот обустройства, привыкания к новому месту жительства, вернулись обратно на Родину, стали, как правило, жертвой преследования, мести турецких властей, религиозных фанатиков;

- архипелагские греки в целом сохранили свою воинскую структуру, в своём подавляющем большинстве посвятили себя воинской службе, до преклонных лет служили России, явились основателями российской ветви своих фамилий;

- в силу различных причин и обстоятельств прибывшее в Керчь Албанское (Греческое) войско расселилось в ряде мест Крыма, Северного Причерноморья, Приазовья, образовав из своего состава костяк достаточно крупных греческих общин (поселений) в районах городов Керчь-Еникале, Балаклава, Таганрог, Херсон; селений Збурьевск, Кинбурн и др., которые стали притягательными центрами для новых переселенцев;

- греки не утратили своей национальной самобытности, своей духовности, бережно сохраняли свой язык, традиции и обычаи, элементы национального быта, традиционные ремесла и занятия;

- отношения греков с местным населением, властями в целом были всегда доброжелательными, строились на основе взаимопонимания и взаимоуважения;

- власти стремились приобщить греков к земле, к земледелию, садоводству, виноградарству, поощряли национальные промыслы, торговую деятельность;

- из числа архипелагских переселенцев вышло немало замечательных личностей, вошедших в историю России, ее флота. Среди них можно назвать Ламбро Кацони, Николая Кумани, Ивана Анастаси, Георгия Карандино, Ивана Варваца, Стефана Мавромихали, Евстафия Сарандинаки, Михаила Чефалиано и многих, многих других, о которых расскажут ещё историки.

¹ РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 33098, л. 1–4; ф. 1409, оп. 1, д. 2713, л. 3, 5.

² РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 20, л. 1–5; РГИА, ф. 383, оп. 29, д. 176, л. 82, 83.